

О.В. Большакова

**ОТ СЛАВИСТИКИ К RUSSIAN STUDIES:
О НЕКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
КОНСТИТУИРОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ В 1940-е гг.**

O.V. Bolshakova

**FROM SLAVISTICS TO RUSSIAN STUDIES:
ON SOME CIRCUMSTANCES OF THE DISCIPLINE'S
CONSTITUTION IN THE 1940s**

Аннотация. В статье рассматривается период, предшествовавший созданию в послевоенные годы в США дисциплины Russian studies на базе уже существовавшей к этому времени славистики. Переход от описательности славянских исследований, уделявших большое внимание филологии, к строгой научности региональных исследований совершался в тяжелейших условиях мировой войны, поисков новой конфигурации мироустройства, а затем перехода от союзнических отношений между Советским Союзом и США к острой конфронтации. На этом фоне первоначальные планы по развитию сотрудничества с СССР в рамках создававшейся дисциплины Russian studies были пересмотрены, что, однако, не сказалось на содержании руссиеведческих исследований в той степени, в какой можно было ожидать. Этому способствовало то, что славянские исследования к началу Второй мировой войны подошли с весьма значительным профессиональным багажом и ясными принципами, включавшими в себя наряду с объективностью и беспристрастностью любовь к изучаемой стране и требование не смешивать науку и политику. Важным фактором явилась и деятельность русских эмигрантов в США. Организованный ими в 1941 г. журнал «Русское обозрение» (The Russian review) активно работал на развитие взаимопонимания и на создание позитивного («настоящего») образа России, уделяя большое внимание объективному и научному пониманию ее истории в противовес пропагандистским клише. Анализ публикаций по русской истории в 1941–1947 гг. демонстрирует, что в американском дискурсе о России имелось достаточное количество формул и образов, нацеленных на сближение двух стран. В Советском Союзе также имелся определенный потенциал в этом

Большакова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Bolshakova Olga Vladimirovna, PhD Candidate in History, Leading Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences

+7-903-732-15-79; jkmuf16@gmail.com

отношении, однако переход к резкой конфронтации с Западом там произошел очень быстро, в контексте усиления внутренних репрессий. В США, несмотря на условия холодной войны, в рамках дисциплины Russian studies шло неуклонное развитие исторических исследований в направлении их профессионализации.

Ключевые слова: славистика, Russian studies, советско-американские отношения, американский дискурс о России, «Русское обозрение», «Вопросы истории», М.М. Карпович, В.К. Яцунский

Abstract. The article examines the period preceding the creation of the discipline of Russian studies on the basis of Slavic studies in the post-war USA. The transition from descriptive Slavic studies, which focused on philology, to rigorous scholarship of regional studies evolved in the difficult circumstances of the World War, the search for a new configuration of the world order, and the transition from the allied relationship between the Soviet Union and the United States to their acute confrontation. Against this background, the initial plans for cooperation with the USSR in the emerging discipline of Russian studies were revised, which, however, did not affect its content as much as might have been expected. This was facilitated by the fact that at the outbreak of the World War II Slavic studies were a very advanced academic discipline with clear principles, which included, alongside objectivity and impartiality, a love of the country under study and not involving politics. An important factor was the activity of Russian émigrés in the United States. *The Russian Review*, which they established in 1941, actively promoted mutual understanding and created a positive (“real”) image of Russia, while paying attention to an objective and scientific (as opposed to propagandistic) representation of its history. The analysis of publications on Russian history between 1941 and 1947 demonstrates that American discourse on Russia had a sufficient number of formulas and images aimed at bringing the two countries closer together. The Soviet Union also had some potential in this regard, but the transition to sharp confrontation with the West occurred very quickly in a context of increased internal repression. In the US, despite the Cold War, Russian studies steadily developed towards professionalization.

Key words: Slavic studies, Russian studies, Soviet-Russian relations, American discourse on Russia, “The Russian review”, “Voprosy istorii” journal, M.M. Karpovich, V.K. Yatsunskii

* * *

Возникновение дисциплины Russian studies, поставившей во главу угла изучение России/СССР методами социальных наук, связывают обычно с созданием Русского института в Колумбийском университете в 1945 г., Русского исследовательского центра в Гарварде в 1948 г. и ряда других центров региональных исследований в университетах США и затем по всему западному миру. Однако организации этих учреждений предшествовал подготовительный период, который пришелся на годы войны. Сложные обстоятельства военных и первых послевоенных лет представляют собой контекст, в

котором формировались контуры новой дисциплины. Он заслуживает не меньшего внимания, чем планы и действия непосредственных участников этого процесса, подробно рассмотренные в книге Д. Энгермана об истории американской советологии¹.

Анализируя факторы, оказывавшие влияние на конституирование Russian studies, следует учитывать и состояние тогдашней славистики, и особенности американского и советского дискурсов, в том числе касавшиеся русской истории, и деятельность отдельных институций и людей, работавших в области изучения России/СССР в эти годы. В статье особое внимание уделяется детищу эмигрантской диаспоры — журналу «Русское обозрение», который одновременно обозначал и создавал тенденции в науке.

* * *

К началу самого масштабного мирового конфликта XX в. специалисты по России в США и Великобритании подошли с достаточно хорошим багажом. Появилось новое поколение ученых, в том числе и русского происхождения, была создана довольно серьезная инфраструктура «славянских исследований», как называли тогда эту дисциплину. В 1930-е гг. изучение России и славянских стран в США значительно активизировалось, а с началом войны в Европе Америка становится фактически единственным действующим центром русистических исследований. Туда переезжает из Лондона, спасаясь от бомбардировок, журнал “Slavonic and East European Review” и некоторое время выходит как «американская серия»². А когда в войну вступил СССР и интерес к новому союзнику стал неуклонно возрастать, по инициативе Димитрия фон Мореншильдта и при поддержке немногочисленных заинтересованных людей и организаций с ноября 1941 г. начинает выходить независимый журнал “The Russian review” («Русское обозрение» с подзаголовком «Американский журнал, посвященный прошлому и настоящему России»).

---

¹ Engerman D.C. Know your enemy: The rise and fall of America's Soviet experts. Oxford, 2009.

² В 1941 г. в Висконсине был выпущен том, подготовленный в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета в виде ежегодника, — “The Slavonic Year-Book”, объемом 413 с. Затем начал выходить ежеквартальный журнал “The Slavonic and East European Review. American series”, причем состав редакционной коллегии был по преимуществу американским, и патронировали его американские организации, в частности Комитет славянских исследований при Американском совете ученых обществ (ACLS). С лета 1945 г. по договоренности с британцами издание окончательно обрело американскую «прописку». Наряду с Комитетом славянских исследований журнал “The American Slavic and East European review” стоял у истоков создания в 1948 г. Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (AAASS), органом которой он и стал, обретя свое окончательное название “Slavic review” в 1961 г.

Анализ его содержания за первые несколько лет существования³, и прежде всего рецензионной активности, дает возможность оценить достижения англоязычного руссееведения предшествующего периода и подвести некоторые промежуточные итоги. По мнению главного редактора У. Чемберлина — известного журналиста, автора двухтомной «Русской революции, 1917–1921»⁴, много лет прожившего в СССР, — они неутешительны. Знания о России и Советском Союзе как в американском обществе, так и в научном мире, по его словам, исключительно скудны. Ситуация осложнена тем, писал Чемберлин во введении к первому номеру, что поступавшие сведения о современном положении СССР были крайне поверхностны (зачастую это сообщения, условно говоря, «из окна поезда») и в основном носили пропагандистский характер. А в военное время и такая информация становится недоступной, причем в момент, когда «значение Советского Союза в разрешении военного конфликта как в Европе, так и в Азии, поистине громадно»⁵. Безусловно, высказывания Чемберлина нацелены на обоснование необходимости нового печатного органа, который мог бы собрать воедино экспертные знания о России, но при всех его прагматических целях — привлечь как можно больше сотрудников и читателей — оценка состояния знания о России на Западе вполне адекватна, если говорить о публичной сфере. Достаточно серьезный задел, имевшийся в сфере профессиональной, не мог соперничать за умы с обширной и влиятельной публицистикой. В этих условиях журнал поставил своей задачей показать читателям Россию, «какой она была, есть и будет», не впадая в «стерильный» академизм, но и не поддаваясь искушению «пропаганды». Оно, безусловно, после большевистской революции 1917 г. было велико. Однако, несмотря на то что страна пережила «одно из самых колоссальных потрясений в истории», в современной России, по наблюдению Чемберлина, сохраняются элементы преемственности с исторической традицией⁶. Истории, таким образом, придается в журнале первостепенное значение, поскольку, как известно, общеисторические представления лежат в основе интерпретаций и политики, и экономики, и культуры.

На основе опубликованных в «Русском обозрении» рецензий можно судить, что наибольшее количество вышедших в

---

³ Анализ ограничивается 1949 г., когда главным редактором официально стал Д. фон Мореншильдт и журнал начал выходить четыре, а не два раза в год.

⁴ Chamberlin W.H. The Russian revolution, 1917–1921. 2 vols. New York, 1935.

⁵ Chamberlin W.H. Foreword // The Russian review. 1941. Vol. 1. N 1. P. 1.

⁶ Ibid. P. 1–2.

1938–1948 гг. книг было посвящено современной ситуации в СССР, международным отношениям и русской классической литературе и русскому языку как самой изученной предметной области. Немногочисленные профессиональные работы по русской истории включают в себя, в частности, «Россию» сэра Бернарда Пейрса (1940), «Церковь и государство в России. Последние годы империи, 1900–1917» Джона Кёртиса (1940), «Стремление к морю: Курс русской истории» Роберта Кернера (1942), «Древнюю Русь» Г.В. Вернадского (1943), «Россию и Европу, 1789–1825» А.А. Лобанова-Ростовского (1947)⁷ и ряд других, а также переводы общих курсов П.Н. Милюкова, А.А. Корнилова, М.С. Грушевского.

Относительно небольшая по объему (256 с.) «Россия» сэра Бернарда Пейрса имела своей основой предыдущие его книги, в том числе «Россия и реформы» (1907) и «Падение российской монархии» (1939). Первые сто ее страниц посвящены дореволюционной истории, вторая половина — Советской России. Книга, по словам ее рецензента М.М. Карповича, написана живым и ярким языком, представляя собой «исключительно квалифицированно и эффективно составленную смесь истории и политики, научного анализа и личных воспоминаний»⁸. Отмечая некоторые фактологические ошибки автора, Карпович не соглашается и с отдельными интерпретациями Пейрса, в частности, с утверждением, что отмена крепостного права сделала революцию неизбежной, а также с весьма поверхностной оценкой сталинской конституции 1936 г. как «довольно либеральной». Написанная незадолго до гитлеровского вторжения в СССР книга имела безусловно политические мотивы, которых автор и не скрывал, анализируя внешнюю и внутреннюю политику большевиков. Тем не менее, она полна веры в «старую добрую Россию», веры, которую не поколебало подписание пакта 1939 г.

Пейрс (1867–1949) принадлежал к старшему поколению русистов. Выпускник Кембриджа и ученик В.О. Ключевского, этот историк и журналист прекрасно знал русский язык и не только многократно бывал в России, но и работал здесь корреспондентом английского правительства в годы Первой мировой войны. Он преподавал в Ливерпульском университете, стал первым

---

⁷ *Pares B. Russia. New York, 1940; Curtiss J.Sh. Church and state in Russia: The last years of the empire, 1900–1917. New York, 1940; Kerner R.J. The urge to the sea. The course of Russian history. The role of rivers, portages, ostrogs, monasteries and furs. University of California Press, 1942; Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1943; Lobanov-Rostovsky A. Russia and Europe. 1789–1825. Dahrem, 1947.*

⁸ *Karpovich M.M. Rec.: Pares B. Russia: Between reform and revolution // The Russian review. 1941. Vol. 1. N 1. P. 106.*

профессором русской истории в англоязычном мире, участвовал в основании Лондонской школы славяноведения и ведущего британского журнала по русской истории — “*Slavonic and East European review*”⁹.

В его деятельности просматриваются черты, которые довольно долгое время были присущи русистике или, как тогда говорили, славянским исследованиям в англоязычном мире, вплоть до их окончательной профессионализации в 1960-е гг. Прежде всего это «страноведческий» (или даже «краеведческий»)¹⁰ подход довольно общего характера — с интересом к народу, его языку, истории и культуре, а также тесная связь со жгучими вопросами современности, что обуславливало внимание к политике. Большинство русистов первой половины XX в., будучи историками или филологами, считались в первую очередь «экспертами по России», довольно активно выступая как в профессиональной прессе, так и в СМИ по внешнеполитическим вопросам. Принимали участие они и в работе правительственных организаций, что особенно ярко проявилось в ходе подготовки Версальской конференции. А в годы Второй мировой войны многие из них стали работать в военных ведомствах. Так, Дж. Робинсон (1893–1971), автор ставшей к настоящему времени классикой книги «Деревенская Россия при старом режиме» (1932), известный как один из основателей Русского института при Колумбийском университете, возглавлял тогда советскую секцию в Аналитическом отделе Управления стратегических служб (предшественнике ЦРУ), что не мешало ему, тем не менее, сторониться политики¹¹. Сохранение беспристрастности и объективности декларировалось русистикой изначально, хотя, безусловно, далеко не всегда соблюдалось¹². Обманчиво простое требование «не смешивать науку и политику» соседствовало с еще одним важным принципом раннего русистического движения: любовь к изучаемой стране. Он присутствовал в дис-

---

⁹ *Randall F. Introduction // Pares B. Russia: Between reform and revolution. New York, 1962. P. XI–XII.*

¹⁰ О терминологии см.: *Плате А. Трудности российского понимания современной немецкой русистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 4. С. 1329–1330.*

¹¹ О творческой атмосфере, царившей в этом учреждении в годы войны, и об энтузиазме работавшей там команды см.: *Engerman D.C. Op. cit.*

¹² Это условие было настолько важным для Робинсона, что он отклонил кандидатуру работавшего на факультете русского историка-эмигранта М.Т. Флоринского, поскольку у того на глазах большевики убили родителей. Подобный опыт, считал Робинсон, исключал необходимую для потенциального преподавателя объективность. См.: *Byrnes R.F. Geroid T. Robinson: Founder of Columbia University's Russian Institute // Byrnes R.F. A history of Russian and East European studies in the United States. New York; London, 1994. P. 207, 214–215.*

курсе и передавался ученикам, однако и самые глубокие симпатии все же приносились в жертву объективности¹³.

Еще одной характерной чертой этой дисциплины являлся широкий географический охват: речь шла об изучении славянского мира, частью которого для западных наблюдателей являлась Россия. Именно поэтому исследования назывались «славянскими», и первоначально большое место в них занимало изучение языка и литературы. Филологическая по своей направленности «славистика», таким образом, как наука старше так называемого россиеведения, которое в послевоенные годы конституировалось в междисциплинарные региональные исследования — Russian/Soviet studies, или, как говорят сейчас, «русистику». Славистика стала их интегральной частью, хотя сохранила свое место в названии журнала “Slavic studies”. Как и его предшественник военных лет, наследник британской традиции, он до сей поры отводит России не более половины печатной площади и уделяет большое внимание языкознанию и литературоведению большого региона Восточной Европы.

Созданный в 1941 г. при активном участии преподававшего в Гарвардском университете М.М. Карповича журнал «Русское обозрение», напротив, концентрировался на России/СССР, поскольку его главной целью являлось улучшение взаимопонимания между русскими и американцами. Редакция ставила своей задачей представить читателям — как специалистам, так и более широкой американской аудитории, — непредвзятые интерпретации истории России, ее цивилизации и культуры, во что бы то ни стало избегая «пропаганды как справа, так и слева»¹⁴. Содержание «Русского обозрения» первых лет его существования, с одной стороны, отражало потребности текущего момента (исключительно острого), с другой — определялось редакционной политикой и имевшимися в то время ресурсами, весьма скромными, учитывая узкий круг профессиональных специалистов по России. В то же время помещенные в нем за 1941–1948 гг. публикации дают представление о тех тенденциях, которые будут наблюдаться в последующие 10–15 лет, когда изучение России в США начнет развиваться по восходящей линии.

---

¹³ *Seton-Watson H. Benedict Humphrey Sumner, 1893–1951 // The Slavonic and East European Review. 1951. Vol. 30. N 74. P. 260–262.*

¹⁴ *Von Mohrenschildt D. Foreword, Th e Russian review, 1941–1949 // The Russian review. 1949. Vol. 8. N 1. P. 3.* Журналу удавалось проходить между Сциллой нацизма и Харибдой коммунизма, однако в 1946 г. Чемберлин, персона нон грата для интеллектуалов левого толка, покинул пост главного редактора, поскольку не-которые подписчики (в том числе сэр Бернард Пейрс) выражали возмущение его «антисоветскими» взглядами. См.: *Von Mohrenschildt D. Th e founding of the Russian Review: A memoir // Th e Russian review. Vol. 60. N 1. P. 5–6.*

Помимо упомянутой отзывчивости на текущую повестку дня, это активная переводческая и библиографическая деятельность, рецензирование трудов иноязычных специалистов, с определенным вниманием к тому, что выходило в Советском Союзе. Характерной чертой, которая будет определять лицо русистики вплоть до 1960-х гг., является участие представителей русской диаспоры, причем не только профессиональных ученых в лице Г.В. Вернадского, М.М. Карповича, А.А. Лобанова-Ростовского, А.Г. Мазура, Л.Н. Страховского, Н.С. Тимашева, М.Т. Флоринского, но и политиков (в частности, А.Ф. Керенского), и литераторов, бывших и действующих деятелей культуры и многих других, заметных (таких, как Марк Алданов, Владимир Набоков, Михаил Добужинский) и менее известных эмигрантов — тех, кого Димитрий фон Мореншильд характеризовал как «цвет дореволюционной интеллигенции». Будучи европейски образованными, они представляли собой «последнее связующее духовное звено между национальной русской и западной культурами»¹⁵.

Публикации «Русского обозрения» со всей отчетливостью демонстрируют, что сверхзадачей редакции являлось создание не просто благоприятного, а еще и «объективного», как считали редакторы, «настоящего», в их понимании, образа России на Западе. Это стало особенно актуальным в годы войны, когда интерес к тому, что же такое Советская Россия и как иметь дело с этой «загадочной», по общему мнению, страной, вырос многократно, что отразилось, в частности, в огромном количестве книг и книжек, написанных теми, кто когда-то бывал или жил там, кто там родился или просто что-то прочитал о ней. Именно поэтому журнал обращал особое внимание на критическое рецензирование таких работ, часть из которых можно было бы по современным меркам отнести к публичной истории, часть — к публицистике.

Сверхзадаче отвечали и статьи, помещенные в журнале, — как правило, высокого уровня, интересные и содержательные. В тематическом плане предпочтение отдавалось сюжетам, имеющим отношение к сегодняшнему дню, что включало в себя прежде всего сферу международных отношений, а также ситуацию в СССР¹⁶.

¹⁵ Von Mohrenschildt D. Foreword. *The Russian Review*, 1941–1949. P. 3.

¹⁶ Timasheff N.S. The Church in the Soviet Union // *Russian review*. 1941. Vol. 1. N 1. P. 20–30; Nazaroff A. The Soviet oil industry // *Ibid*. P. 81–88; Chamberlin W.H. The Soviet-German war: Results and prospects // *Ibid*. 1942. Vol. 1. N 2. P. 3–9; Harvey M.L., Ruggles M.J. The eastward course of the Soviet industry and the war // *Ibid*. 1942. Vol. 1. N 2. P. 10–26; Hazard J.H. Soviet wartime legislation // *Ibid*. 1942. Vol. 2. N 1. P. 22–30; Chamberlin W.H. Russia's role in the postwar world // *Ibid*. 1943. Vol. 2. N 2. P. 3–9; Ipatieff V. N. Modern science in Russia // *Ibid*. 1943. Vol. 2. N 2. P. 68–80; Dallin D.I. Inside the Red army // *Ibid*. 1943. Vol. 3. N 1. P. 23–30; Vakar N.P. Russia and the Baltic states // *Ibid*. 1943. Vol. 3. N 1. P. 45–54; Volin L. German invasion and Russian agriculture // *Ibid*. 1943.

Исторические материалы также содержали элемент актуальности. Биографии видных дореволюционных деятелей (С.Ю. Витте, П.А. Столыпина, П.Н. Дурново), история общественной мысли и революционного движения, уроки войн, начиная с 1812 г., — всё это давало возможность провести некие параллели и сделать какие-то выводы в отношении текущего момента¹⁷. Большое внимание уделялось культуре и религии, но прежде всего — русской литературе, которая уже традиционно являлась «брендом» на Западе и работала на укрепление позитивного образа России¹⁸. Отдельным направлением в тематике журнала (и впоследствии Russian studies в целом) стали, в соответствии с целями его основателей, точки соприкосновения России и США. Появляется всё больше статей (а затем и рецензий на книги), посвященных русско-американским связям и проблемам взаимовосприятия¹⁹.

Особый интерес в этом отношении представляет публикация, которой открывается первый номер нового журнала, — статья Роберта Доу «Простор: геополитическое исследование России и Соединенных Штатов», представляющая собой отрывок из планировавшейся к изданию в соавторстве с Александром Тарсаидзе книги о царях и президентах. Автор сосредоточивает внимание на сходствах

Vol. 3. N 1. P. 75–88; *Ropes E.C.* American-Soviet trade relations // *Ibid.* 1943. Vol. 3. N 1. P. 89–94; *Hazard J.N.* The federal organization of the USSR // *Ibid.* 1944. Vol. 3. N 2. P. 21–29; *Chamberline W.H.* Russia and Europe, 1918–1944 // *Ibid.* 1944. Vol. 4. N 1. P. 3–9; et al.

¹⁷ *Aldanov M.* Count Witte // *The Russian Review.* 1941. Vol. 1. N 1. P. 56–64; *Eudin X.I.* The German occupation of the Ukraine in 1918 // *Ibid.* 1941. Vol. 1. N 1. P. 89–104; *Fedotov G.P.* Religious sources of Russian Populism // *Ibid.* 1942. Vol. 1. N 2. P. 27–38; *Wiron A.R.* The lesson of Port Arthur // *Ibid.* 1942. Vol. 1. N 2. P. 40–43; *Mazour A.* The Russian ambassador in France, 1789–192 // *Ibid.* 1942. Vol. 1. N 2. P. 86–93; *Aldanov M.P.N.* Durnovo — prophet of war and revolution // *Ibid.* 1942. Vol. 2. N 1. P. 31–45; *Ti-masheff N.C.* Overcoming illiteracy: Public education in Russia, 1880–1940 // *Ibid.* 1942. Vol. 2. N 1. P. 80–88; *Tarsaidze A.* The air-blitz of 1812 // *Ibid.* 1942. Vol. 2. N 1. P. 89–101; *Karpovich M.* Church and state in Russian history // *Ibid.* 1944. Vol. 3. N 2. P. 10–20; et al.

¹⁸ *Nabokov V.* The Lermontov Mirage // *The Russian Review.* 1941. Vol. 1. N 1. P. 31–39; *Cowell H.* Music in Soviet Russia // *Ibid.* 1942. Vol. 1. N 2. P. 74–79; *Dobuzhinsky M.V.* The St.Petersburg Renaissance // *Ibid.* 1942. Vol. 2. N 1. P. 46–59; *Simmons E. J.* Tolstoy's childhood // *Ibid.* 1944. Vol. 3. N 2. P. 44–64; *Vernadsky N.* Russian folk song // *Ibid.* 1944. Vol. 3. N 2. P. 94–99; *Sandomirsky V.* Soviet war poetry // *Ibid.* 1944. Vol. 4. N 1. P. 47–66; *Zetlin M.O.* Balakirev // *Ibid.* 1944. Vol. 4. N 1. P. 67–82; et al. Кроме того, в журнале постоянно публиковались переводы стихов Пушкина, Лермонтова, Фета и других поэтов «золотого» и «серебряного» века.

¹⁹ *Parry A.* John B. Turchin: Russian general in the American Civil war // *The Russian Review.* 1942. Vol. 1. N 2. P. 44–60; *Alexandrova V.* America and Americans in Soviet literature // *Ibid.* 1943. Vol. 2. N 2. P. 19–26; *Parry A.* Cassius Clay's glimpse into the future: Lincoln's envoy to St.Petersburg bade the two nations meet in East Asia // *Ibid.* 1943. Vol. 2. N 2. P. 52–67; *von Mohrenschildt D.* The early American observers of the Russian revolution, 1917–1921 // *Ibid.* 1943. Vol. 3. N 1. P. 64–74; *Parry A.* Russian names for American towns // *Ibid.* 1944. Vol. 3. N 2. P. 30–43; *Aldanov M.* A Russian commune in Kansas // *Ibid.* 1944. Vol. 4. N 1. P. 30–44; et al.

двух стран, находящихся на периферии европейского мира. Он подчеркивает роль фактора пространства в их историческом развитии, сущность которого составлял процесс колонизации и освоения безбрежных территорий, неустанное «стремление к морю». Доу обнаруживает параллели не только в формах и способах «экспансии и аннексии» континентальных «просторов», но и в присущих обеим империям центробежных процессах, и более того — в положении двух «молодых» стран по отношению к высокомерной рафинированной Европе. И русские, и американцы, пишет Доу, всегда страдали комплексом социальной и культурной неполноценности перед старой европейской цивилизацией, были склонны к «самооплевыванию», что нашло отражение в художественной литературе обеих стран²⁰.

С поразительной легкостью из накопленного за 100 лет в американском дискурсе о России багажа (подробно описанного В.И. Журавлевой)²¹ были извлечены и использованы метафорические формулы и образы, нацеленные на сближение. В годы войны сближение постоянно подпитывалось сводками с фронтов, и воодушевление, вызванное совместной борьбой с фашизмом, подталкивало к излишне оптимистическому восприятию Советского Союза — и даже его политической системы. Осенью 1941 г. У. Чемберлин выразил надежду, что союз с западными демократиями приведет к тому, что из горнила военных испытаний выйдет свободная Россия и станет частью свободной Европы²².

Ощущение культурной общности русских и американцев побуждало многих военнослужащих, готовившихся стать офицерами связи и проходивших курс интенсивной подготовки, выбрать русский язык в качестве своей специализации. Среди них, как указывает Д. Энгерман, были известные впоследствии социолог Алекс Инкелес и политолог Роберт Такер, историки Мартин Малиа и Ричард Пайпс, литературовед Хью Маклейн и многие другие²³. Начиная с весны 1943 г., после Сталинградской битвы, интерес к стране, которая борется с нацизмом, становится настолько велик, что в области изучения СССР обнаруживается острая нехватка специалистов и преподавательских кадров. И в каком-то смысле военные программы, включавшие изучение не только языка, но и обычаев страны,

---

²⁰ Dow R. Prostor: A geopolitical study of Russia and the United States // The Russian review. 1941. Vol. 1. N 1. P. 6, 10.

²¹ Журавлева В.И. Понимание России в США: Образы и мифы: 1881–1914. М., 2012.

²² Chamberlin W.H. Foreword. P. 5.

²³ Engerman D.C. Op. cit. P. 16–17.

основ ее культуры и политики, предвосхитили создание центров региональных исследований, над организацией которых в фонде Рокфеллера начали задумываться уже в 1942 г. Планы, ориентированные на послевоенное время, предполагали развитие сотрудничества с советскими учеными, которых собирались приглашать в американские университеты. В списке, направленном с этой целью Дж. Робинсоном в советское посольство, упоминались историки А.М. Панкратова, И.И. Минц и Е.В. Тарле, экономисты П.И. Лященко и Е.С. Варга²⁴.

Планам не было суждено сбыться. На протяжении весьма короткого (фактически двухлетнего) периода, в течение которого шли мучительные поиски новой концепции мироустройства, сотрудничество в области науки, начавшееся в последний год войны, продолжалось. Однако отрицательный заряд в виде не только действий государств на международной арене, но и высказываний в прессе, накапливался с угрожающей быстротой, чтобы вылиться в противостояние, длившееся более 40 лет.

Сегодня, когда история возникновения холодной войны изучена во всех подробностях, совершенно очевидно, что знаменитая фултонская речь Черчилля, в которой было возведено, что на Европу опустился «железный занавес», явилась лишь одним из первых, пробных «выстрелов». Она имела несколько взаимосвязанных целей разного уровня и разной значимости, и отношения с СССР — лишь один из ее аспектов (однако крайне важный для вовлечения США в противостояние и для принятия ими на себя роли мировой сверхдержавы). Речь вызвала крайне резкую реакцию в советской прессе, включая интервью И.В. Сталина газете «Правда», и в огромной степени способствовала дальнейшей эскалации напряженности²⁵. В то же время возможности для сотрудничества двух стран пока сохранялись.

Исследователи уже давно отмечали, что международная обстановка первых послевоенных лет была запутанной и неопределенной: после распада антигитлеровской коалиции между бывшими союзниками нарастали серьезные противоречия, а в самих США отношение к СССР было весьма двойственным. «Симпатии общественности были на стороне “русских союзников”, а “дядя Джо” вызывал уважение у простых американцев»²⁶. Позиция советской дипломатии,

---

²⁴ Ibid. P. 31.

²⁵ На русском языке речь Черчилля была опубликована через пятьдесят с лишним лет: Источник. 1998. № 1. С. 93–99.

²⁶ Злобин Н.В. Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5.III.1946 // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 159.

постоянно подчеркивавшей, что, как главный победитель над фашизмом и главный пострадавший от него, СССР имеет больше прав в решении вопросов послевоенного устройства, особенно в Европе и Азии, также встречала немало сочувствия в политических кругах и общественном мнении Запада. Активизировалась американская коммунистическая пресса, а антикоммунистическая пропаганда только набирала силу. Показательно, что в США, международной репутации которых был нанесен значительный урон атомными бомбардировками Японии, в этот период разворачивалась публичная дискуссия о том, «не будет ли правильным поделиться секретом ядерной бомбы с СССР». И хотя администрация придерживалась противоположной позиции (по словам А. Даллеса, Советский Союз в этом случае считал бы американцев «отчасти слабоумными»), «наверняка нельзя было сказать, кто одержит верх»²⁷.

В условиях неопределенности поиски общих точек соприкосновения продолжались, о чем свидетельствует, в частности, публикация летом 1946 г. в известном американском журнале “Foreign Affairs” двух статей советских специалистов. Е.В. Тарле провел сравнение между Наполеоном и Гитлером, а географ Н.И. Михайлов рассмотрел животрепещущий вопрос о перспективах послевоенного восстановления советской экономики²⁸.

Но уже через год градус противостояния существенно повысился. В июльском номере “Foreign Affairs” была опубликована статья, подписанная буквой “X”, автором которой являлся советник посольства США в Москве Джордж Ф. Кеннан²⁹. Это было переложение знаменитой «длинной телеграммы», направленной им в Вашингтон в феврале 1946 г., где обосновывались и формулировались основные постулаты будущей доктрины «сдерживания коммунизма». Однако симптоматично, что в том же номере была помещена статья совет-

---

²⁷ Там же. С. 160–162.

²⁸ *Tarlé E. Two invasions // Foreign Affairs. 1946. Vol. 24. N 4. P. 711–714; Mikhailov N. The Soviet peacetime economy // Ibid. P. 633–637.* Редакции был, несомненно, известен разгромный материал Е.В. Тарле по поводу фултонской речи Черчилля, напечатанный в газете «Известия», тем не менее, это не помешало публикации текста историка. Точно так же она наверняка была осведомлена о книге Н.И. Михайлова, вышедшей в самом начале 1945 г., в которой фундаментальной силой русской истории называлась борьба русского народа с теми, кто пытался захватить и поработить страну (*Mikhailov N. The Russian story. The coming of age of a great people. New York, 1945*). Книга, по мнению американского рецензента, балансировала на грани национального шовинизма (*The American Slavic and East European Review. 1945. Vol. 4. N 3–4. P. 218–220*). Публиковались в 1946 г. в “Foreign Affairs” и мнения экспертов по «русскому вопросу», в частности, эмигранта Марка Вишняка и американца Роберта Кернера (о его работах см. ниже).

²⁹ *X. The sources of Soviet conduct // Foreign Affairs. 1947. Vol. 25. N 4. P. 566–582.*

ского экономиста-международника академика Е.С. Варги об «англо-американском соперничестве и партнерстве», где подробно рассматривалось экономическое положение двух стран и фиксировалась попытка Соединенных Штатов втянуть в свою орбиту Великобританию ("распадающуюся империю"). Почва, на которой две эти страны могут объединиться, по мнению Варги, — это борьба с коммунизмом и «новыми демократиями»³⁰.

Следует заметить, что публикации в прессе были лишь верхушкой айсберга — той огромной аналитической работы, которая велась в США в 1944–1947 гг. разнообразными специалистами, в том числе экспертами по России. В их оценках перспектив взаимодействия с СССР экономика, продолжением которой считалась политика, занимала центральное место. Американские аналитики, и не только экономисты, пришли к единодушному мнению, что мечты о мировом коммунизме будут пока отодвинуты в СССР на задний план из-за необходимости послевоенного восстановления, с которым страна в состоянии справиться самостоятельно, не обращаясь за внешней помощью. Однако при любой представившейся возможности Советский Союз будет стремиться расширять свое влияние³¹.

В том же экономическом ключе анализировались перспективы международных отношений в статье Варги. Надо отметить, что в своих работах, включая книгу «Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны» (1946), Варга подходил к ситуации с большой долей объективности и, в частности, еще в начале 1945 г. спрогнозировал неизбежный подъем производства в США. А в закрытом докладе, подготовленном возглавляемым им Институтом мирового хозяйства и мировой экономики и представленным «наверх», предлагалось сосредоточить усилия на внутреннем укреплении страны и воздержаться от расширения советской сферы влияния в Европе — дабы избежать конфронтации с Западом, которую Советский Союз может не выдержать. Рекомендации такого рода уже были неприемлемы, и осенью 1947 г. Варга был снят с должности директора института, издания его прекращены, а сам институт влит в Институт экономики АН СССР³².

---

³⁰ Varga E. Anglo-American rivalry and partnership: A Marxist view // Foreign Affairs. 1947. Vol. 25. N 4. P. 583–595.

³¹ Этот сюжет подробно рассмотрен в книге Д. Энгермана: *Engerman D.C.* Op. cit. P. 97–101.

³² См.: *Нежинский Л.Н., Чельшев И.А.* О доктринальных основах советской внешней политики в годы «холодной войны» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985 гг.). Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. М., 1995. С. 17–18.

В советской экономической науке переход в конфронтационный формат, с неизбежными внутренними репрессиями, произошел очень быстро, о чем свидетельствует пример журнала «Большевик» — главного идеологического органа страны. Если в 1945 г. тон публикаций о США и американской экономике сдержанный, заметно «стремление объективно и даже позитивно оценить союзника», то буквально через год резко возрастает уровень догматизма и идеологизации. Вместо статей в 1946 г. начинают публиковаться рецензии на труды американских авторов, отличающиеся острой критической направленностью по отношению к социально-экономической системе США. Подчеркивается милитаризация американской экономики, рост безработицы, увеличение нищеты трудящихся масс, угнетение негров. Появляются тезисы о роли монополий в разжигании империалистических войн и обесценивающие клише (например, «воротилы с Уолл-стрита»)³³.

Советская историческая наука чуть дольше сохраняла широту взгляда и стремление к сотрудничеству с мировой наукой, хотя такие возможности сужались на глазах. В годы войны в сфере науки шла весьма активная организационная работа, что вылилось, в частности, в создание таких значимых институций, как специальные журналы. В 1941 г. «Историк-марксист» влился в «Исторический журнал» — популярное издание, начавшее выходить в 1937 г. как продолжение небезызвестной «Борьбы классов». С осени 1945 г. по постановлению ЦК ВКП(б) на его базе был организован специализированный журнал «Вопросы истории», орган Института истории АН СССР. В предваряющей его первый номер редакционной статье указывалось, что это «орган исследовательский, а не популяризаторский»³⁴. Действительно, в первых же номерах мы встречаем имена таких историков, как Н.Н. Воронин, Б.Д. Греков, Н.М. Дружинин, Д.С. Лихачев, А.З. Манфред, А.И. Молок, А.Л. Нарочницкий, Е.В. Тарле, М.Н. Тихомиров и многих других.

В журнале как руководящем органе советской исторической науки предполагалось, наряду с освещением дискуссионных проблем по всем разделам всемирной истории и с «борьбой с пережитками исторического идеализма и разного рода извращениями диалектического материализма», уделять большое внимание между-

---

³³ Сенявский А.С., Иголкин А.А. Социально-экономическое развитие США в отражении советского официоза (По материалам журнала «Большевик/Коммунист» в 1945–1980 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 1. С. 109–110.

³⁴ Задачи журнала «Вопросы истории» // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 3.

народным связям. Журнал «должен стать одним из средств общения с зарубежными странами, тем самым одним из средств влияния на международную историческую мысль», что признавалось задачей большого научного значения, поскольку расширение научных связей обогатит тематику и даст возможность более широко и всесторонне обсуждать волнующие мировую науку проблемы³⁵.

На страницах журнала планировалось также помещать статьи зарубежных историков, разделяющих позиции советской исторической науки. С публикацией зарубежных работ у редакции не слишком хорошо получалось, и международные связи реализовались главным образом косвенно, в разделах «Критика и библиография» и «Хроника научной жизни». Причем крайне трудоемкие для подготовки обзоры иностранной (в основном англоязычной) литературы, «Хроника» и тем более обширные библиографические списки публиковались без указания авторства, в редких случаях подписывались инициалами.

Раздел «Хроника. Историческая наука за рубежом», подписанный инициалами Ф.К., появляется уже во втором номере «Исторического журнала» за 1945 г., а в последующие два года публикуется в «Вопросах истории» систематически. Поражает охват материала: это и мини-обзоры свежих книг по определенной тематике (например, к юбилею английской буржуазной революции), и обзоры содержания отдельных зарубежных журналов, и краткие отчеты о деятельности исторических ассоциаций, библиотек и архивов, об археологических раскопках в разных уголках мира. Этот раздел давал читателю возможность соприкоснуться с мировой наукой, которую пока еще не отделял «железный занавес». Трудности контактов относили за счет проблем военного времени и его последствий.

В годы войны советские историки с интересом следили за деятельностью американских коллег, в том числе русистов — достаточно указать на большую, почти на два печатных листа, рецензию В.К. Яцунского, опубликованную в 1945 г.³⁶ В ней подробно (по главам) и с большими цитатами раскрывается содержание книги Р. Кернера «Стремление к морю» и книг двух его учеников, Р. Фишера и Г. Ланцева³⁷.

---

³⁵ Там же.

³⁶ Яцунский В. Изучение истории СССР в Калифорнийском университете США // Вопросы истории. 1945. № 5–6. С. 186–200.

³⁷ Kerner R. J. The urge to the sea. ...; Lantzeff G. V. Siberia in the seventeenth century. A study in colonial administration. University California Publ. History. 1943. Vol. 30; Fischer R. H. The Russian fur trade, 1550–1700. University California Publ. History. 1943. Vol. 31.

Рецензии предшествовало серьезное знакомство с американской исторической наукой³⁸, поэтому неудивителен основательный подход, отраженный в ее заглавии: автор прямо указывает на явление, получившее в современной отечественной историографии название «калифорнийской школы»³⁹.

В.К. Яцунский (1893–1966) — выдающийся специалист по исторической географии, исследователь проблем генезиса капитализма в России. Как исторический географ он подошел и к концепции Кернера, навеянной трудами С.М. Соловьева (которому посвящена книга). В формулировке этой концепции, данной Яцунским, присутствует характерная для всей рецензии доброжелательная критика: «Географический фактор — направление естественных водных путей Восточной Европы и Северной Азии — оказался у него не только основной могущественной силой, сформировавшей территорию нашего государства, но и силой, неизменно и одинаковым образом действовавшей на всем протяжении более чем тысячелетней истории страны, несмотря на смену на территории России различных типов общества». Так получилось, продолжает рецензент, потому, что вместо того, чтобы положить в основу исследования смену социально-экономических формаций, Кернер рассматривает формирование территории России в отрыве от социальных сил, от народа как творца истории⁴⁰.

Заслуживает внимания глубина рассмотрения концепции Кернера, ведущей свое происхождение от французской географической школы и опирающейся на труды Люсьена Февра, которой рецензент дает развернутую характеристику. Затем он предлагает свой вариант территориального развития России, предваряя изложение замечанием о сходстве (которое «не должно закрывать от нас и весьма существенных различий») с процессом создания территории США, и подчеркивает, что «явление, аналогичное тому, которое в истории США обозначается термином *frontier*, существовало и в нашей истории»⁴¹.

Подводя итоги рецензии, Яцунский пишет, что концепция Кернера «решительно не согласуется» с приведенными здесь фактами, однако его труд представляет большой интерес для советского чи-

---

³⁸ См.: Яцунский В. Развитие исторической науки в Соединенных Штатах Америки // Исторический журнал. 1944. № 12. С. 52–63; Он же. Альбом американской истории. Колониальный период // Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 145.

³⁹ См. также: Kotkin S. Robert Kerner and the North Asia seminar // Acta Slavica iaponica. 1995. Vol. 15. P. 93–113.

⁴⁰ Яцунский В. Изучение истории СССР в Калифорнийском университете США... С. 194.

⁴¹ Там же. С. 195.

тателя. Продвижение к морю — крупное явление в русской истории, а констатированное американским автором географическое и экономическое единство России «является несомненным фактом». Значительную ценность представляют, подчеркивает он, и двадцать карт, приложенных к книге⁴².

Доброжелательность рецензента весьма необычна. Отмечая недостатки или упущения в рецензируемых монографиях, он извиняет многие из них отсутствием доступа американцев к архивам, тем, что в силу условий военного времени не все новые книги успели дойти до США, наконец, недостаточной опытностью молодых ученых, учеников Кернера, в исследовании сложных проблем отдаленной страны. Но в то же время Яцунский указывает на глубокое знание ими российской и советской историографии, внимание к терминологии и адекватности ее перевода на английский язык. В последующие годы он также рецензировал американские книги, но уже по истории и экономике США.

Среди немногих работ зарубежных русистов, получивших освещение на страницах журнала «Вопросы истории», — «Древняя Русь» Г.В. Вернадского. Ее рассмотрели двое рецензентов в рубрике «Критические статьи», только что появившейся в журнале⁴³. Первый из авторов, С.П. Толстов, к тому времени известный археолог и директор только что созданного Института этнографии АН СССР, с особым вниманием отнесся к обоснованию актуальности труда Вернадского. Он отметил огромный интерес к Советскому Союзу и его культуре, «к героическому настоящему и великому прошлому его народов» в зарубежных странах, в том числе союзников в войне с Германией. В русле этого интереса лежит и проект Йельского университета по изданию десятитомной истории России, первые шесть томов которой, до XVIII в., должен был написать Вернадский, остальные четыре, начиная с XIX в. — Карпович. Для рецензента особенно важным представляется выяснить, «насколько правильное представление о последнем слове науки в области древней истории России вынесет американский читатель из первого тома этого широко задуманного труда»⁴⁴.

Второй рецензент, историк М.Н. Тихомиров, фактически дополняет Толстова, будучи солидарен с ним в основных моментах. Оба

---

⁴² Там же. С. 199.

⁴³ Толстов С. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 113–124; Тихомиров М. Славяне в «Истории России» проф. Вернадского // Там же. С. 124–129. Обращает на себя внимание уровень рецензентов — авторитетных ученых, уже тогда занимавших высокие позиции в науке.

⁴⁴ Толстов С. Указ. соч. С. 113.

они критически относятся к общей концепции Вернадского, в соответствии с которой древняя история России, с неолита и до начала Киевской Руси, представляет собой бесконечную смену народов (с выделением «народов-господ», «организаторов»), последовательно вытесняющих друг друга на обширной территории «степи». Вызывает у них нарекания географический ареал исследования, называемый Вернадским «Евразией», который, как пишет М.Н. Тихомиров, по сути совпадает с границами Российской империи — образования сравнительно нового. Толстов критикует и общую концепцию евразийцев за узость взгляда, сосредоточенного на кочевниках южных степей вне их связей с древними культурными очагами Кавказа и Средней Азии. Ее вредность, по мнению Толстова, заключается прежде всего в том, что она подразумевает противопоставление России (и СССР) и Европе, и Азии⁴⁵.

Серьезное несовпадение взглядов обнаруживается в вопросе о происхождении Русского государства, подробно рассмотренном Толстовым. Отмечается отсутствие внимания к этногенезу славян и к их истории в целом, изложенной фрагментарно и с серьезными ошибками, чему уделил внимание Тихомиров. Оба рецензента отметили, с одной стороны, знакомство Вернадского с советской литературой, с другой — очень слабое ее использование.

Толстов совершенно справедливо заметил и подчеркнул главную слабость книги Вернадского: эклектизм, некритическое использование противоречивых и непроверенных гипотез и датировок, игнорирование всего, что противоречит его гипотезам, нагромождение одной недоказанной конструкции на другую. Этот метод «глубоко чужд духу советской исторической науки» с ее строгой критикой источников и одновременным стремлением раскрыть внутреннюю закономерную связь явлений⁴⁶. Тихомиров, характеризуя метод Вернадского, постоянно употребляет слово «произвол», в частности, в области объяснения имен и географических названий. По его мнению, Вернадский периодически переходит ту грань, за которой история перестает быть наукой, и признает книгу «большой неудачей»⁴⁷.

В то же время отмечается то благоприятное впечатление, которое при первом взгляде производит книга Вернадского: широкий исторический фон, увязка фактов русской истории с историей других народов, привлечение самого разного рода источников, включая

---

⁴⁵ Тихомиров М. Указ. соч. С. 124–125; Толстов С. Указ. соч. 17–118.

⁴⁶ Толстов С. Указ. соч. С. 124.

⁴⁷ Тихомиров М. Указ. соч. С. 129.

археологические, наконец, обращение к глубокому прошлому страны, выстроенное в единый нарратив⁴⁸.

Однако уже в следующем, 1947 г., тон рецензентов меняется. В журнале появляются по-настоящему разгромные статьи, начиная с установочного для будущих критиков буржуазной советологии исторического обзора зарубежного общественного мнения. В октябрьском номере впервые в заголовке возникает словосочетание «фальсификаторы истории», которое в 1948 г. прочно поселяется на страницах журнала⁴⁹. Исчезает раздел «Хроника научной жизни за рубежом», на смену ему приходят сообщения о научной жизни в советских республиках. Изменяется сам характер и уровень содержания журнала, включая состав авторов, но этот сюжет представляет собой отдельную исследовательскую задачу.

Что касается рецензий работ зарубежных русистов, интересен отклик А. Гальперина на книгу американского профессора Э. Забриски о внешней политике держав в 1895–1914 гг., который носит в какой-то степени переходный характер⁵⁰. При определенной объективности изложения автор завершает ее пассажем, стилистика которого станет востребована в последующие годы: «Так цинично реакционные круги американских ученых издеваются над своими величайшими государственными деятелями, над американскими гражданами, павшими в ожесточенной войне с японскими империалистами, и над большим, героическим периодом своей истории»⁵¹.

Показательной для последующего времени является рецензия М.Н. Тихомирова на книгу Н.К. Чадвик о начальном периоде истории России⁵². По признанию самой Чадвик, краткость ее книги обусловлена трудностями военного времени, и потому изложение никак нельзя назвать исчерпывающим, — что не помешало советскому

---

⁴⁸ Толстов С. Указ. соч. С. 123–124. Те же претензии к небрежности метода Г. Вернадского были высказаны в подробной рецензии Р. Фрая (*Frye R. N. Rec.: George Vernadsky. Ancient Russia // The American Slavic and East European review. 1946. Vol. 5. N 1–2. P. 212–221*). Куда мягче был рецензент «Русского обозрения» А. Васильев, но в целом книга Вернадского не получила широкого признания в американской русистике.

⁴⁹ *Рубинштейн Н. Советский Союз и зарубежное общественное мнение // Вопросы истории. 1947. № 2. С. 8–29; Он же. Реакционные американские профессора — фальсификаторы истории советской внешней политики // Там же. № 10. С. 138–141. Вскоре автор этих статей опубликовал монографию «Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру» (М., 1948).*

⁵⁰ *Гальперин А. Забриски Эдуард. Американско-русское соперничество на Дальнем Востоке // Вопросы истории. 1947. № 4. С. 137–140.*

⁵¹ Там же. С. 140.

⁵² *Тихомиров М. Откровения Чадвик о начале русской истории // Вопросы истории. 1948. № 4. С. 112–115.*

рецензенту обрушиться именно на это обстоятельство. Но больше всего обращает на себя внимание стилистика рецензии, называющей книгу Чадвик «беседами за чайным столом» дилетантов, с использованием таких выражений, как «самое пикантное», «автор глубоко-мысленно замечает», «лингвистические упражнения». Всё это напоминает отчитывание мэтрот нерадивой школьницы. В итоге книгу Чадвик он называет «плодом самонадеянной и невежественной стряпни». Но примечательно, что автор рецензии объединяет Чадвик и Вернадского (фигуры безусловно несопоставимые по своему масштабу), в риторическом вопросе: «чем отличаются труды Чадвик и Вернадского от сочинений провинциальных русских батюшек?»⁵³. претензия Тихомирова к автору книги состоит в том, что в ее изложении «русская история — это, собственно, история скандинавских завоевателей, а не великого славянского племени»⁵⁴. Действительно, Чадвик, будучи по своей основной специализации медиевистом, указала на важность исландских саг для реконструкции истории докиевского периода и подробно разобрала одну из них. В настоящее время значение этого источника является общепризнанным⁵⁵.

И все же «сражения» с западной буржуазной историографией находились на периферии того поля борьбы и идеологических репрессий, которое представляла собой советская историческая наука в послевоенные годы. Основные удары были направлены вовнутрь. На страницах журнала «Вопросы истории» публикуются по-настоящему разгромные материалы, в частности, об обсуждении книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» (1941). Главной ошибкой автора называлось то обстоятельство, что «он почти о каждом из дворянских и буржуазных историков находит случай сказать доброе слово»⁵⁶. Или не менее разгромная по своей сути рецензия на фундаментальную монографию С.Б. Веселовского⁵⁷. Разоблачения зарубежных «фальсификаторов» происходили точно, и наиболее острым (и востребованным) был вопрос о начале Второй мировой войны. Опубликованная Совинформбюро в 1948 г. брошюра «Фальсификаторы истории» предоставила и теоретическую, и

⁵³ Там же. С. 114.

⁵⁴ Там же. С. 112–113.

⁵⁵ См., в частности: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учеб. пособие для студентов вузов / М.В. Бибииков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и др. М., 1999; Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. М., 2011.

⁵⁶ Мордвишин И. Обсуждение книги проф. Н.Л. Рубинштейна // Вопросы истории. 1948. № 1. С. 154.

⁵⁷ Смирнов И. С позиций буржуазной историографии // Вопросы истории. 1948. № 10. С. 113–124.

фактологическую, и стилистическую основу для последующих боев с «тлетворным влиянием Запада» и выстраивания соответствующего исторического образа СССР⁵⁸.

Отголоски сражений советских историков можно встретить на страницах «Русского обозрения», например, статью совсем тогда юного Н. Рязановского о норманской теории⁵⁹. В то же время обращает на себя внимание обилие рецензий на книги, посвященные России и СССР. Тематика этих книг была разнообразна и простиралась от проблем внешней политики до повседневности, по своему жанру они были как специально-научные, так и публицистические. Но в большинстве из них присутствовал исторический образ России, к которому апеллировали их авторы в своем изложении, — так называемый консервативно-пессимистический образ «вековечной Руси» (eternal Russia), в которой ничего не менялось со времен Ивана Грозного⁶⁰. Борьба с таким видением истории России и велась во многих опубликованных в «Русском обозрении» рецензиях, что с большой полнотой было реализовано в текстах М.М. Карповича.

В подробнейшей рецензии на книгу Веры Дин он одно за другим опровергает ее утверждения, касающиеся русской истории⁶¹. Автор постаралась дать общий портрет современной России с целью оценить возможности советско-американского сотрудничества. Она стремится к объективности, которая в ее представлении состоит в рассмотрении всех сторон вопроса и в учете всех точек зрения, что приводит, по мнению Карповича, к неразрешимым противоречиям. Невозможно прийти к компромиссу, если, по ее же словам, в СССР объявляются фашистами «все группы, находящиеся в оппозиции к России или к своим собственным коммунистам»⁶².

Однако главные претензии Карпович предъявляет к методу автора, пытавшейся представить современную Россию в исторической перспективе. В. Дин проявляет законный интерес к преемственности, которую, к сожалению, представляет себе в сильно упрощенной форме и совершенно не учитывает мощные изменения, происходившие в течение XIX в. Отсюда неверные заключения, которые рецензент книги последовательно развенчивает. Вопреки убеждению

---

⁵⁸ См., в частности: *Николаев И.* Новое разоблачение фальсификаторов истории // Вопросы истории. 1948. № 4. С. 106–112.

⁵⁹ *Riazanovsky N.* The Norman theory of the origin of the Russian state // The Russian review. 1947. Vol. 7. N 1. P. 96–110.

⁶⁰ См.: *Журавлева В.И.* Указ. соч.

⁶¹ *Karpovich M.* Rec.: Dean V.M. The United States and Russia. Cambridge: Harvard university press, 1947. 321 p. // The Russian review. 1948. Vol. 7. N 2. P. 88–91.

⁶² Ibid. P. 91.

В. Дин, капитализм в России активно развивался в последние 50 лет существования царского режима, а крестьяне обладали хорошо развитым «инстинктом частной собственности», о чем свидетельствует политика и Ленина, и Сталина, очень его опасавшихся. Сильные сомнения вызывают у Карповича суждения автора о национальной психологии русских, в частности, о присущем им исконном недоверии к иностранцам и о «чувстве мессианского предназначения», которое скорее представляет собой «плод идеологической догмы панславизма», а затем — коммунизма межвоенного периода, но вовсе не составную часть массового сознания. Точно так же неверным он признает расхожее мнение, что русские восприняли лишь внешний фасад вестернизации, остающейся чуждой «русскому духу». Вся интеллектуальная история России Нового времени свидетельствует об обратном, да и народные массы не отвергали плоды западной цивилизации, когда имели к ним доступ⁶³.

Наибольшие возражения вызывает у Карповича утверждение, что весь ход русской истории представляет собой «последовательную смену самодержавных правлений», что делает приход к власти Ленина и затем Сталина фактически неизбежным. Карпович обращается к истории революционного движения и краткого, но продуктивного периода конституционализма, а затем и февральской революции с ее лозунгом «Долой самодержавие!», чтобы опровергнуть такие широко распространенные постулаты, как «русские были воспитаны в традиции абсолютизма» и «государство в России превыше всего». Но прежде всего, пишет он, нужно видеть фундаментальные различия между абсолютизмом «старого режима» и современной тоталитарной диктатурой, которая является «идеократией» и обладает доведенным до совершенства «аппаратом убеждения и принуждения»⁶⁴.

Тема преемственности и изменений, и в первую очередь в ее связи с дебатами о тоталитарной природе России/СССР, занимала большое место в научной рефлексии Карповича. Считая, что царская Россия шла по тому же пути, что и Европа, лишь немного «запаздывая», а революция 1917 г. представляла собой кардинальный разрыв с прошлым, он старался привить такие взгляды своим ученикам в Гарварде. В 1946–1948 г. в его семинарах занимались около 20 человек, в том числе М. Малиа, М. Раев, Х. Роггер, Н. Рязановский, Д. Тредголд, Л. Хеймсон и многие другие⁶⁵. Они составили костяк

⁶³ Ibid. P. 89–90.

⁶⁴ Ibid. P. 88.

⁶⁵ См.: *Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

так называемого первого поколения историков-русистов в США, и большинство из них (наиболее яркое исключение — Р. Пайпс) придерживались подобных же воззрений. Проблеме преемственности и изменений была посвящена конференция, прошедшая в 1954 г. В сборнике, выпущенном по ее итогам в честь Карповича, приняли участие 27 его учеников, которые к тому времени уже стали ведущими специалистами⁶⁶. В их работах было показано, что «изменения» в значительной мере перевешивают элементы «преемственности», и если концепция тоталитаризма и приложима к СССР, то к царской России она не имеет отношения.

«Тоталитарная парадигма» опиралась на консервативно-пессимистический образ «неизменно» рабской и деспотической России, который принадлежал к публичному дискурсу и в послевоенные годы имел колоссальный вес⁶⁷. Историки-русисты вели с ним неустанную борьбу, противопоставив ему в своих исследованиях образ страны, идущей европейским путем, который и стал преобладающим в исторической русистике в 1960–1980-е гг. И хотя в периоды обострения отношений двух стран публичный дискурс немедленно извлекает на поверхность образ «вековечной Руси» с самыми негативными коннотациями, выплескивая на страницы прессы старые идеи об извечном российском деспотизме и мессианстве, профессиональное изучение истории России в США продолжает развиваться, как оно развивалось в тяжелейший период идеологической конфронтации конца 1940-х — начала 1950-х гг.

References

Bolkhovitinov N.N. *Russkiye uchenyye-emigranty* (G.V. Vernadskiy, M.M. Karpovich, M.T. Florinskiy) i stanovleniye rusistiki v SShA [Russian Émigré Scholars (G.V. Vernadsky, M.M. Karpovich, M.T. Florinsky) and the Formation of Russian Studies in the US]. Moscow: ROSSPEN, 2005. 142 p.

Bolshakova O.V. *Problema "Rossiya i Zapad" v angloyazychnoy istoriografii 1940–1960-kh gg.* [The Problem of "Russia and the West" in English-Speaking Historiography in 1940–1960s] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2020. N 5. P. 65–77.

Byrnes R.F. *Geroid T. Robinson: Founder of Columbia University's Russian Institute* // Byrnes R.F. *A History of Russian and East European Studies in the United States*. New York; London: University Press of America, 1994. P. 206–217.

---

⁶⁶ Continuity and change in Russian and Soviet thought / Ed. by E.J. Simmons. Cambridge (Mass.), 1955.

⁶⁷ Подробнее об этом см.: Болшакова О.В. Проблема «Россия и Запад» в англоязычной историографии 1940–1960-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 5. С. 65–77.

Continuity and Change in Russian and Soviet Thought / Ed. by E.J. Simmons. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1955. XII, 563 p.

Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov [Ancient Rus' in the Light of Foreign Sources: Textbook for Students] / M.V. Bibikov, G.V. Glazyrina, T.N. Dzhakson *et al.* Moscow: Logos, 1999. 605 p.

Engerman D.C. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. Oxford: Oxford University Press, 2009. X, 459 p.

Kotkin S. *Robert Kerner and the North Asia Seminar* // *Acta Slavica Iaponica*. 1995. Vol. 15. P. 93–113.

Melnikova E.A. *Drevnyaya Rus' i Skandinaviya* [Ancient Rus' and Scandinavia]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2011. 474 p.

Nezhinskiy L.N., Chelyshev I.A. *O doktrinal'nykh osnovakh sovetskoy vneshney politiki v gody "kholodnoy voyny"* [On the Doctrinal Foundations of Soviet Foreign Policy during the Cold War] // *Sovetskaya vneshnyaya politika v gody "kholodnoy voyny" (1945–1985 gg.)*. *Novoye prochtenie* [Soviet Foreign Policy in the Cold War (1945–1985). A New Interpretation] / Ed. by L.N. Nezhinskiy. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 1995. P. 9–46.

Plate A. *Trudnosti rossiyskogo ponimaniya sovremennoy nemetskoj rusistiki* [A Russian Point of View on German *Rossievedenie*] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 2020. Vol. 65. Issue 4. P. 1326–1334.

Randall F. *Introduction* // Pares B. *Russia: Between Reform and Revolution*. New York: Schocken Books, 1962. P. XI–XII.

Senyavskiy A.S., Igolkin A.A. *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye SShA v otrazhenii sovetskogo ofitsioza (Po materialam zhurnala "Bol'shevik/Kommunist" v 1945–1980 gg.)* [US Socio-Economic Development in the Soviet Official Narrative (Based on Materials of *Bolshevik/Communist* in 1945–1980)] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 2008. Vol. 10. N 1. P. 105–118.

Seton-Watson H. *Benedict Humphrey Sumner, 1893–1951* // *The Slavonic and East European Review*. 1951. Vol. 30. N 74. P. 260–262.

Von Mohrenschildt D. *The Founding of the Russian Review: A Memoir* // *The Russian review*. 2001. Vol. 60. N 1. P. 4–6.

Zhuravleva V.I. *Ponimaniye Rossii v SShA: obrazy i mify: 1881–1914* [Understanding Russia in the USA: Images and Myths: 1881–1914]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr RGGU, 2012. 1140 p.

Zlobin N.V. *Neizvestnyye amerikanskiye arkhivnyye materialy o vystuplenii U. Cherrillya 5.III.1946* [Unknown American Archive Materials of W. Churchill's speech on 5 March 1946] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2000. N 2. P. 156–169.

Поступила в редакцию
2022 г.